

© Н. П. Перфильева

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.16](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.16)

УДК 801.281

«НАДЕЖДА» КАК МОДУСНАЯ КАТЕГОРИЯ

Н. П. Перфильева (Новосибирск, Россия)

Цель статьи – аргументировать существование модусной категории «надежда» на фоне такой общепризнанной модусной категории, как достоверность. Статья содержит обзор российских и зарубежных работ по модусу и по категории достоверности в частности.

Исследование посвящено семантико-прагматическим характеристикам этой категории. В исследовании осуществляется полевой подход при описании языковых средств выражения модусной категории «надежда», выделяются вводные единицы я надеюсь / надеюсь как ядерные, а вводную единицу мы надеемся / надеемся и изъяснительные конструкции с контактным словом надеяться мы рассматриваем как периферийные. Кроме того, обосновывается, что синонимы слова надеяться не могут быть ядерными средствами по разным причинам.

Автор статьи приходит к следующим выводам: 1) несмотря на область пересечения достоверности и субъективного смысла «надежда» ('уверенность', 'сознание', 'возможность осуществления'), рассматриваемая модусная категория является более сложной и включает ещё и такие компоненты, как 'ожидание', 'будущее', 'радостное / хорошее / приятное', 'душа', 'эмоция', при этом сема 'будущее' не является обязательной; 2) модусная категория «надежда» выражает «желание, ожидание чего-нибудь радостного / приятного / хорошего, соединенное с уверенностью, что это может осуществиться в будущем или уже произошло». Исследуемый субъективный смысл высказывания, в отличие от достоверности, является необязательной семантической категорией, потому что говорящий выражает его не во всех случаях, но лишь в тех, в которых, с точки зрения говорящего, следует подчеркнуть значение желательности ожидаемого события.

Если рассматривать модусный смысл «надежда» в системе модусных категорий, то очевидной оказывается ее связь с категориями эмоциональности и достоверности.

Ключевые слова: модусная категория, надежда, достоверность, эмоциональность, ядерные средства выражения, полевой подход.

Перфильева Наталия Петровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: perfisha@rambler.ru

В последние десятилетия теория семантического синтаксиса, в том числе модус, несмотря на минимальную информацию о нем в вузовской учебной литературе,¹ вызывает большой интерес лингвистов. Так, активно исследуются понятия субъективной и объективной модальности [1–2], разные модусные категории и средства их языкового выражения [2, 4–5], соотношение модусных смыслов и вводно-модальных слов [6]. Особое внимание уделяется изучению семантики достоверности [7–9]. Так, J.-M. Kuczynski пишет о том, что типы значений, входящие в круг рассматриваемых в данной работе, в настоящее время находятся в центре внимания большого количества исследователей в разных странах. В частности, предпринимаются попытки разграничить собственно значения (*semantics*) и «до-семантические» смыслы (*presemantics*), причем последним приписывается определяющая роль не только в понимании высказывания, но и в оценке его как достоверного или недостоверного [8]. На фоне сформировавшихся представлений о модусе достоверности/недостоверности выявляются субмодусы проблематической модальности разного уровня достоверности информативного компонента высказывания: 'вполне возможно' и 'вероятнее всего' – 'возможно' и 'представляться', маркируемые парентезами с семей 'предположение' [10].

Семантика достоверности/недостоверности связана с авторизацией высказывания [11] и, безусловно, с эвиденциальностью [12–13] и ментальным модусом [14].

Для нашей работы особо важны исследования, которые посвящены соотнесению категории персуазивности с категориями эмотивности и оценочности [1, 15]. Ср., например, J. Caffi, ставя задачу построить «унифицированную прагматику эмотивной коммуникации», предлагают модель, включающую средства выражения оценки, установления контакта, эвиденциальности, волитивности и др. [15]. Отметим работы, в которых названные модусные категории рассматриваются во взаимодействии: О. А. Кобриня исследует коммуникативные категории (оценочность, модальность, эмотивность, эвиденциальность, приближительность, персуазивность, отрицание), выявляя их специфику, онтологическую основу их появления и расширения, функциональную широту и размытость границ в связи с отсутствием формального единообразия в языковом выражении [13]. Список модусных категорий в современной лингвистике является открытым. Так, например, разные исследователи выделяют модус важности, эвиденциальности, эмоциональности, мнения, знания, ожидания, осторожности, согласия, воспоминания².

¹ *Ширяев Е. Н.* Модус и пропозиция // Современный русский язык: учебник под ред. П. А. Новикова. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. – СПб: Лань, 2001. – С. 693–694; *Белошাপкова В. А.* Синтаксис // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошাপковой. – Изд. 3-е. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 606–868; *Гак В. Г.* О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте: сб. ст. / под ред. И. П. Суцова. – Калинин: Изд-во КГУ, 1978. – С. 19–26; *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис. – Красноярск: КГУ, 1988. – 52 с.

² *Трипольская Т. А.* Модусное значение «важности» высказывания и способы его выражения // Модальность в её связях с другими категориями / под ред. И. П. Матхановой. – Новосибирск: Изд-во НГПИ,

1992. – С. 27–33; *Перфильева Н. П.* Правила употребления слова **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака: межвузовск. сб. науч. тр. – Новосибирск: изд. НГУ, 1996. – С. 47–55; *Перфильева Н. П.* Модус воспоминания: между истиной и ложью // Дискурс лжи и ложь как дискурс: сб. научн. ст. / под ред. Т. А. Трипольской. – Новосибирск: изд. НГПУ, 2012. – С. 24–33; *Перфильева Н. П.* Об эмоциональности как модусной категории // «Я предана словам, их сочетаньям в переливах речи...»: Проблемы интерпретационной лингвистики: межвузовск. сб. науч. тр. / под ред. Н. П. Перфильевой, Е. Г. Басалаевой, М. А. Лаппо. – Новосибирск: изд-во НГПУ, 2014. – С. 118–128.

Несмотря на активные исследования последних лет, до сих пор, как показали результаты работы нашего лингвистического семинара «Модус: автономия и синкретизм»³, остается множество «белых пятен» в описании семантики достоверности и «сопредельных» с ней значений. К таковым мы относим субъективный смысл «надежда», исследованию которого посвящена настоящая статья.

Этот субъективный смысл мало исследован. Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что, достигнув необыкновенных высот в постижении внешнего мира (читай: диктума), мы остаемся достаточно беспомощными перед Космосом внутри нас, хотя внутренний мир, как правило, для нас более значим, чем внешний, и события вокруг нас – это лишь отблески и продолжение процессов, протекающих в глубинах нашего «Я».

Вопрос о модусе «Надежда» интересен и в аспекте разграничения и взаимодействия модусных категорий. Так, ядерный показатель модусной категории «надежда», вводное слово *надеюсь (надеюсь)*, изредка встречается в списках вводных слов, однако он, несмотря на разные интерпретации его семан-

тики в академической литературе и лексикографии, обычно квалифицируется как показатель достоверности. М. В. Ляпон относит его к «модальным квалификаторам, уточняющим достоверность сообщаемого при «редактировании» текста в аспекте «реальности – ирреальности» (*безусловно, вероятно, конечно, повидимому, кажется, разумеется, надеюсь, в самом деле, пожалуй* и т. п.)» [16, с. 32]; В. В. Виноградов тоже считал его вводным словом, указывающим «на различную степень достоверности сообщения, факта»⁴. И современный аспектный словарь О. А. Остроумовой и О. Д. Фрамполя описывает его как показатель недостоверности («неуверенность, предположение»⁵). Следовательно, актуальным является решение вопроса, какие отношения складываются между смыслами «надежда» и достоверность – родо-видовые или пересечение друг с другом.

Итак, перед нами стоит задача – проверить, действительно ли вводные компоненты *надеюсь / я надеюсь* являются показателями одного из значений модусного смысла «достоверность».

Как показал дефиниционный анализ слов *надеяться* и *надежда*, который сделала Ма

Матханова И. П. О модусе «осторожности» в научном тексте // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова): мат-лы Всероссийск. конф. – СПб.: Сага, 2005. – С. 153–156.

³ Адова Ю. Н. О классификации ментальных существительных по параметру «экспликация модусных категорий» // Молодая филология-2013: межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Маркасова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – Ч. 2. – С. 71–78; Короблина Т. И. О синкретизме семантики показателей модуса «воспоминание» // Молодая филология – 2015: межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Маркасова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 63–69; Короблина Т. И. О взаимодействии субъективных смыслов «воспоминание» и «восприятие» (на материале художественной прозы) // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение:

межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. И. П. Матханова. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. – С. 150–156; Ма Цзиньпин. Средства выражения субъективного смысла «надежда» и их описание в лексикографии // Молодая филология – 2015: межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Маркасова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 69–76. Мосолова Л. Е. Слово *врать* как экспликация модуса (на материале романа В. Каверина «Два капитана») // Молодая филология – 2015: межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. О. А. Маркасова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 53–63.

⁴ *Грамматика русского языка* / ред. В. В. Виноградов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – Т. 2. Синтаксис. Ч. II. – С. 364–365.

⁵ Остроумова О. А., Фрамполь О. Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 502 с.

Цзиньпин⁶, в толковых и специальных словарях есть лакуны в описании значения вводного слова *надеюсь* и оно интерпретируется как показатель достоверности⁷. Обратим внимание на противоречивость лексикографической интерпретации вводных компонентов *надеюсь*, *надеемся*: если в толковых словарях отмечается модальное значение «уверенность, предположение», то в специальном словаре – «неуверенность».

Семантику категории достоверности мы определяем вслед за Е. И. Беляевой [7]: достоверность – это определенная степень осведомленности говорящего о связях и отношениях действительности.

Семантика категории «надежда» имеет иное содержание. Семантизация этого субъективного смысла опирается на дефиниционный и компонентный анализ толкования слова *надежда* в толковых и специальных словарях.

В этих словарях в толковании слова *надежда* отмечаются следующие компоненты значения («желание, ожидание чего-нибудь радостного, приятного, соединенное с уверенностью в возможности осуществления»⁸), которые мы выделили по словарю Д. Н. Ушакова: «желание», «ожидание», «будущее», «радостное / хорошее / приятное», «уверенность», «возможность осуществления».

Некоторые из этих смыслов отмечает и Ю. Д. Апресян в своем словаре: *надеяться* – единственный синоним ряда, способный обозначать радостное ожидание события, сопро-

вождающееся подъемом общего тонуса человека. Ю. Д. Апресян несколько раз подчеркивает мысль, что слово *надежда*, в отличие от синонимов (в большей мере ориентированных на будущие события, в которых субъект лично заинтересован), имеет семантический компонент «хорошее/радостное». *Надеяться* можно в любом положении, начиная от практически безнадежного и кончая вполне благополучным, когда субъект, уже реализовавший большинство своих желаний, тем не менее ждет новых радостей, удовольствий или успехов⁹.

Далее проведем лингвистический эксперимент. Во фразе *Этот человек, я уверен, станет преступником* нельзя вводный компонент *я уверен* заменить на вводное слово *надеюсь*, потому что семы «хорошее», «радостное», «приятное», которые всегда есть в значении вводного компонента *надеюсь*, семантические не согласуются с лексическим значением слова *преступник*. Ср.: *Этот человек, я надеюсь, станет преступником*. Следовательно, трансформация является семантически дефектной фразой.

Рассмотрим пример: *О запуске спутников заранее много не говорят—есть такая примета, но если в общих словах, то он нацелен на изучение дальнего и ближнего космоса. В том числе астероидной опасности, космического мусора. Запуск сопряжен с системой роботов для наблюдения, установленных по всей Европе и Южной Америке. Надеемся,*

⁶ Ма Цзиньпин. Средства выражения субъективного смысла «надежда» и их описание в лексикографии // Молодая филология – 2015: межвузовск. сб. науч. тр. / отв. ред. О.А. Маркасова. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 69–76.

⁷ Толковый словарь русского языка: в 4 тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940. – Т. 3; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.; Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред.

А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 3. 736 с.

⁸ Толковый словарь русского языка: в 4 тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940. – Т. 3.

⁹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – Вып. первый. – 552 с.

что исследования позволят создать методику предупреждения астероидной опасности и то, что было в Челябинске, где упал метеорит, не повторится (Российская газ. 2016. № 83). Говорящий выбирает слово *надеюсь* (а не *уверен*), чтобы выразить смысл «желание и ожидание хорошего в будущем, а не «высокую степень осведомленности о данном событии». При этом говорящий менее категоричен, по сравнению с тем, если бы он употребил *мы уверены*. Ср.: *Мы уверены, что исследования позволят создать методику предупреждения астероидной опасности и то, что было в Челябинске, где упал метеорит, не повторится*. Следовательно, *уверен* и *надеюсь* противопоставлен как «рациональное – иррациональное», «мысль – эмоция», кроме того, *уверен* категоричнее, чем *надеяться*.

Впрочем, семантическое сближение этих языковых показателей возможно, ср.: *Уверена, Ксюша будет замечательной мамой, совершенно самоотверженной и правильной. У нее хорошая эмоциональная память. Она знает положительные и отрицательные стороны моего воспитания. И, надеюсь, сможет отсортировать и взять от меня только лучшее. Многих моих ошибок, надеюсь, избежит* (Л. Нарусова // Теле-семь. 2016. № 28).

Таким образом, семантический анализ высказывания с вводными компонентами *надеюсь / надеюсь* позволяет сделать вывод о том, что субъективный смысл «надежда» не является одним из значений модусного смысла «достоверность», но имеет область пересечения – компонент «уверенность в возможности осуществления». Смысл же «надежда» включает ещё такие компоненты,

как «ожидание», «будущее», «радостное / хорошее / приятное».

Достоверность («уверенность») – это рациональная оценка, то есть можно говорить о семе «сознание». «Надежда» отражает не только акт сознания, но и состояние души (сема «душа»). Близкую мысль о том, что в *надеяться* как состоянии равной мере представлены и эмоция, и интеллектуальная оценка, и желание, высказывает и Ю. Д. Апресян¹⁰.

Вводный компонент *надеюсь* чаще всего сочетается со сказуемыми, выраженное формой времени будущего, например: 1) *Надеюсь, вместе напишем нечто вроде целой книги* (В. Крейд. Георгий Иванов в Йере // Звезда. 2003); 2) *Европу очень беспокоит ситуация на Украине. Мы не можем игнорировать этот плебисцит. В этом надо тщательно разобраться. Надеюсь, трех дней нам хватит* (Росс. газ. 2014. № 60).

Эти примеры подтверждают существование в субъективном смысле «надежда» семы «будущее».

Однако она не является обязательной, поскольку исследуемые вводные компоненты регулярно сочетаются и со сказуемым, выраженным формами прошедшего, а иногда и настоящего времени, например: *На этом, я надеюсь, все страсти выкипели, и дальше всё будет нормально* (Письмо девушки подруге). *Надеюсь, посуду вы вымыли* (разг. речь). Этот языковой материал подтверждает наблюдение Ю. Д. Апресяна, что «для состояния "*надеяться*" необязательна перспективная ориентация, т.е. ориентация на будущие события: часто надеются на то, что нечто желательное уже произошло»¹¹.

¹⁰ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – Вып. первый. – 552 с.

¹¹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – Вып. первый. – С. 181.

Это свидетельствует о том, что перспективная ориентация преобладает, однако говорящий может *надеяться* и на то, что желаемое уже произошло.

Итак, субъективный смысл «надежда» не является одним из значений модусного смысла «достоверность». Несмотря на область их пересечения ('уверенность', 'сознание', 'возможность осуществления'), смысл «надежда» включает ещё и такие компоненты, как 'ожидание', 'будущее', 'радостное / хорошее / приятное', 'душа', 'эмоция', при этом сема 'будущее' не является обязательной. Модусная категория «надежда» выражает «желание, ожидание чего-нибудь радостного / приятного / хорошего, соединенное с уверенностью, что это может осуществиться в будущем или уже произошло».

В отличие от достоверности, она является необязательной категорией. И, как видим, она тесно соприкасается и с достоверностью, и с эмоциональностью.

Любая модусная категория имеет не только особую семантику, но и специализированные языковые средства.

Вводные компоненты *я надеюсь / надеюсь* являются специализированными, а значит, ядерными средствами выражения этой модусной категории, например: 1) *Но это не значит, что все песни без исключения имеют серьезную подоплеку, обязательно в них есть проблемы серьезные, которые волнуют меня и, я надеюсь, многих людей* (В. Высоцкий // Э. Рязанов. Четыре вечера с Владимиром Высоцким); 2) *Мы делаем все, что от нас зависит, но мы не знаем, как будет себя вести Украина. Надеюсь, у них появится законное руководство министерства культуры, с которым мы сможем работать* (Изв. 2014. № 47). Отметим, что в данной статье не рассматриваются вторичные, прагматические значения

этих вводных единиц, как в контексте *Как эстетический термин «стёб» теснейшим образом связан с понятием постмодернизма. Надеюсь, все в курсе, что время постмодернизма окончательно миновало* (В. Новиков. Словарь модных слов).

Хотя изъяснительные конструкции с контактными словом *надеяться / надежда* являются, по результатам сплошной выборки, более частотными средствами выражения субъективного смысла «надежда», однако они составляют периферию этих средств, потому что выражают и диктум, и субъективный смысл. Ср.: *И я надеюсь, что законопроект будет принят этой осенью* (Оксана Карпова. Александр Починок: Концепция льготного государства бессмысленна // «Время МН», 2003.07.31).

С одной стороны, и главная часть сложного предложения, и вводные единицы устроены одинаково. В них обязательно есть глагольная форма *надеюсь* (которая выражает синтаксическое время и лицо), а иногда и местоимение *я*. В этом плане по смыслу и главная часть сложного предложения, и вводные единицы тождественны. С другой стороны, в вводных единицах с семантической точки зрения, в отличие от изъяснительных конструкций с контактными словом *надеяться*, нет позиции объекта.

Поскольку ядерные показатели имеют грамматическое значение 1-го лица, которое выражается окончанием глагола и часто местоимением *я*, то к ближней периферии средств выражения модусной категории относятся и показатели с местоимением *мы*, например: *Роль наша в следующей Госдуме, мы надеемся, будет такой же, как и в этой* (Независимая газ. 2003.04.28); *Для тех, кто собрался на МАКС в нынешнем году, подготовлена небольшая памятка, надеемся, она поможет правильно распланировать время и*

получить максимум пользы и удовольствия от посещения этой во многом уникальной международной выставки (Наука и жизнь. 2009). Напомним известную интерпретацию переносного значения местоимения *мы*, принадлежащую В. В. Виноградову: «*Мы* – это я, которое говорит от лица коллектива или которое скрывает себя за другими»¹².

В данных контекстах, скорее всего, говорящий имеет в виду не «я и другие», а пытается придать важность своим словам от имени коллектива.

Наличие синонимов у слов *надеяться*, *надежда* совсем не означает, что синонимы являются также показателями модуса «надежда» в современном литературном языке.

В традиционных словарях синонимов второй половины XX в. представлен богатый синонимический ряд слова *надеяться*: *питать надежду, возлагать надежды, не терять надежды, тешить себя (или тешиться) надеждой, рассчитывать, сделать ставку; мнить (уст.), льститься (уст.), чаять (уст. и прост.), уповать (уст. книжн. и высок.), иметь виды, льстить себя (или льститься) надеждой, гадать (обычно с частицей не)*¹³.

Подчеркнем, что ряд приведен к глаголу *надеяться*, который является предикатом и не может быть вводным, на это имплицитно указывает грамматическая помета из «Словаря синонимов» «*надеяться на что, с неопр. или с союзом что*»¹⁴. И действительно, в данной словарной статье нет иллюстративного материала с вводными единицами; в большей части примеров синонимы глагола *надеяться* называют метальное действие говорящего

(*Вот не гадал встречаться. Игишев; Я могу ещё любить, хотя не льщусь уж быть любимым Е. Баратынский*), а иногда одновременно являются и контактным словом изъяснительной конструкции (*Можно ли уповать, что миновалась для него опасность? А. К. Толстой; Уж и свидеться не чаяла, Вдруг сыночек возвращается. Н. А. Некрасов*).

С этой точки зрения эти единицы не могут быть ядерными средствами выражения модуса «надежда».

Кроме того, не могут они быть ядерными средствами выражения модуса «надежда» в современном литературном языке и из-за стилистической ограниченности; большинство членов синонимического ряда, кроме глагола *рассчитывать*, имеют или могут иметь стилистические пометы (*уст., прост.*).

Синонимический ряд лексемы *надежда* в этих же словарях¹⁵. – *ожидание, чаяние, упование* – позволяет нам обратить внимание на слово *ожидание*, регулярно употребляющееся в современном литературном языке, как и глагол *ожидать*, от которого оно образовано. Однако слова *надеяться* и *ожидать* отличаются оценочной семой (надеемся на хорошее, но ожидать можно и плохое, и хорошее). Это значит, что глагол *ожидать* не является показателем модусной категории «надежда».

Ю. Д. Апресян в своем словаре анализирует синонимический ряд *надеяться* (необиходн. или книжн.) – *уповать – рассчитывать* в значении «<...> ожидать, что произойдет нечто хорошее или нужное для субъекта, и считать для такого ожидания есть основания <...>» по 6 параметрам. Это позволяет ему

¹² Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. С. 265.

¹³ Словарь синонимов / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1976. – 648 с.

¹⁴ Словарь синонимов / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1976. – 648 с.

¹⁵ Словарь синонимов / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1976. – 648 с.; Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. – 5-е изд. – М.: Русский язык, 1986. – 598 с.

убедительно определить своеобразие слова *надеяться*¹⁶. По его мнению, *надеяться* и *уповать* как состояние души противопоставлены *рассчитывать* и *полагаться* как состоянию сознания. Ближе всего друг и другу глаголы *надеяться* и *рассчитывать*. Во-первых, у них валентность “содержания ожидания” может выражаться придаточной частью, вводимой союзом. Во-вторых, эти глаголы, особенно в перформативных формулах вежливости в форме 1-л, сближаются в значении “полагать, предполагать, выражать надежду”, и глагол *рассчитывать* имеет близкое к рассмотренному значение “предполагать, планировать”. В большинстве случаев источник надежды – либо высшая сила, либо человек, организация и т.п., чьи возможности намного превосходят возможности субъекта. Подчеркнем, что Ю. Д. Апресян отмечает только для глагола *надеяться* способность употребляться во вводной конструкции, в отличие от остальных синонимов ряда¹⁷.

А это значит, что глагол *рассчитывать* не может быть ядерным средством модусной категории «надежда». Однако изъяснительная конструкция с этим глаголом может иногда относиться к отдаленной периферии, по-

скольку возможна синонимическая трансформация, например: *Я надеюсь, что у этого фестиваля будет продолжение* (Сати Спивакова. Не всё). Ср.: *Я рассчитываю, что у этого фестиваля будет продолжение*. Правда, полного семантического тождества нет: трансформация и исходная фраза различаются семантиками: ‘рациональное’ – ‘иррациональное’, ‘мысль’ – ‘эмоция’.

Подведем итоги. Модусная категория «надежда» выражает «желание, ожидание чего-нибудь радостного / приятного / хорошего, соединенное с уверенностью, что это может осуществиться в будущем или уже произошло», и имеет специализированное средство выражения – вводные единицы (*я надеюсь / надеюсь*). К периферийным средствам выражения относятся и показатели с грамматическим значением множественного числа (*мы надеемся / надеемся*) и конструкции изъяснительного сложного предложения с контактным словом *надеюсь / надеемся*. Модусная категория «надежда», в отличие от достоверности, является необязательной категорией, потому что говорящий не во всех высказываниях его выражает, и она взаимодействует с эмоциональностью, достоверностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вольф Е. М.** Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ: Избранное. 1988–1995: Монография / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Индрик, 2003. – С. 87–102.
2. **Всеволодова М. В.** Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – С. 501–502.
3. **Шмелева Т. В.** Модус и его средства выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. Отв. ред. В. А. Белошапкина, И. Г. Милославский. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 168–202.

¹⁶ *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 181.

¹⁷ *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / под ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 552.

4. **Шмелева Т. В.** Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса: сб. ст. / под ред. К. В. Горшковой, Е. В. Клобукова. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 78–100.
5. **Падучева Е. В.** Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
6. **Девятова Н. М.** Проблема модуса и вводно-модальные слова: лингвистический портрет единицы похоже // Русский язык в школе. – 2009. – №.7. – С. 61–65.
7. **Беляева Е. И.** Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность: Монография. / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – С. 157–170.
8. **Kuczynski J.-M.** Intensionality, modality, and rationality: Some presemantic considerations // Journal of Pragmatics. – 2010. – Vol. 42, Issue 8. – P. 2314–2346. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2010.01.017>
9. **Осетрова Е. В.** Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения. Монография. – М.: Проспект, 2015. – 264 с.
10. **Казарина В. И.** К вопросу о проблематической модальности достоверности в русском языке (на материале романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева») // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 6 (38). – С. 19–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19986645/38/2>
11. **Гричин С. В.** О категориальной сущности авторизации // Сибирский филологический журнал. – 2010. – №.2. – С. 175–182.
12. **Козинцева Н. А.** Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
13. **Кобрин О. А.** Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2.
14. **Рябцева Н. К.** Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка: Ментальные действия: Монография / под ред. Н. Д. Арутюновой, Н. К. Рябцевой. – М.: Наука, 1993. – С. 51–57.
15. **Caffi C., Janney R. W.** Toward a pragmatics of emotive communication // Journal of Pragmatics. – 1994. – Vol. 22, Issues 3–4, – P. 325–373. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166\(94\)90115-5](http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166(94)90115-5)
16. **Ляпон М. В.** Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений: Монография – М.: Наука, 1986. – 200 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.16](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.16)

Nataliya Petrovna Perfilyeva. Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language and its Teaching Methodology, Institute of Philology, Mass Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8022-317X>

E-mail: perfisha@rambler.ru

HOPE AS A MODUS CATEGORY

Abstract

The purpose of the article is to argue the existence of modus category of "hope" on the background of such widely recognized modus category as "trustworthiness"

A significant part of the article is devoted to the semantics of the above mentioned category. The article also includes the review of Russian and foreign papers on the studied topic.

The author provides the field approach to the description of linguistic means of expression of modus category of "hope", highlighting the introductory units I hope / hope as the core, and the introductory unit we hope / hope and verbs of expounding compound constructions with contact word hope – as the periphery. In addition, it is proved that the synonyms of the word hope cannot be nuclear items for different reasons.

The author comes to the following conclusions: 1) despite the area of intersection of trustworthiness and the subjective sense of "hope" ('confidence', 'consciousness', 'the possibility of exercising'), considered modus category includes such components as 'pending', 'future', 'joyful / good / pleasant', 'soul', 'emotion', while the seme 'future' is not obligatory; 2) modus category of "hope" expresses "the desire, the expectation of something joyful / pleasant / good coupled with the certainty that it can be done in the future or has already happened". Modus category of "hope", unlike "trustworthiness", is an optional semantic category. It can be expressed by the speaker only in those cases that require emphasizing the desirability of the anticipated event. It's evident that the modal meaning "hope" is closely related to the categories of emotionality and trustworthiness in the entire system of modus categories.

Keywords

Modus category, hope, authenticity, emotionality, nuclear means of expression, the field approach.

REFERENCES

1. Wolf E. M. Subjective modality and semantic propositions. *Logical analysis: Favorites. 1988-1995: Monograph.* (Ed.) N. D. Arutyunova. Moscow, Indrikis Publ., 2003. – pp. 87–102. (In Russian)
2. Vsevolodova M. V. *Functional theory of communicative syntax: Fragment of an application (teaching) language model.* Moscow, MGU Publ., 2000. pp. 50–502. (In Russian)
3. Shmeleva T. V. Modus and its means of expression in the statement. *Ideographic aspects of Russian grammar.* (Eds.) V. A. Beloshapkova, I. G. Miloslavskiy. Moscow, MGU Publ., 1988. pp. 168–202. (In Russian)

4. Shmeleva T. V. Semantic organization of sentences and the problem of modality. *Actual problems of Russian syntax*: (Eds.) K. V. Gorshkova, E. V. Klobukova. Moscow, MGU Publ., 1984. pp. 78–100. (In Russian)
5. Paducheva E. V. *Semantic Research (Semantics of time and aspect in the Russian language, narrative semantics)*. Moscow, Russian Culture Languages Publ., 1996. 464 p. (In Russian)
6. Devyatova N. M. Modus problem and introductory-modal words: linguistic portrait of the unit *pohozhe*. *Russian language at school*, 2009, no. 7, pp. 61–65. (In Russian).
7. Belyaeva E. I. Reliability. *Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality*. (Ed.) A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 157–170. (In Russian).
8. Kuczynski J.-M. Intensionality, modality, and rationality: Some presemantic considerations. *Journal of Pragmatics*, 2010, Vol. 42, Issue 8, pp 2314-2346. <https://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2010.01.017>
9. Osetrova E. V. *Fact manifestation in Russian utterance, or expressed Event*. Monography. Moscow, Prospect Publ., 2015, 264 p. (In Russian)
10. Kazarina V. I. On the problematic modality of evidentiality in the Russian language (on the material of I. A. Bunin's novel *The Life of Arseniev*). *Tomsk State University. Journal of Filology*. 2015, no. 6, pp. 19–28. DOI: <https://dx.doi.org/10.17223/19986645/38/2>
11. Grichin S. V. Categorical nature of authorization. *Siberian Journal of Philology*. 2010. no. 2. pp. 175–182. (In Russian).
12. Kozintseva N. A. Category of evidentiality (problems of typological analysis). *Questions of linguistics*. 1994, no. 3, pp. 92–104. (In Russian)
13. Kobrina O. A. Categories of modus as ways of reflecting subjective attitude towards the utterance. *Cognitive Linguistics questions*. 2006, no. 2, pp. 90–100.
14. Ryabtseva N. K. Mental modus from vocabulary to grammar. *Logical analysis of language: Mental action*: Monograph. (Eds.) N. D. Arutyunova, N. K. Ryabtseva. Moscow, Nauka Publ., 1993. pp. 51–57. (In Russian)
15. Caffi C., Janney R. W. Toward a pragmatics of emotive communication. *Journal of Pragmatics*, 1994, Vol. 22, Issues 3, pp. 325–373. DOI: [https://dx.doi.org/10.1016/0378-2166\(94\)90115-5](https://dx.doi.org/10.1016/0378-2166(94)90115-5)
16. Lyapon M. V. *Semantic structure of complex sentence and text. Typology of intra-relationships*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 200 p. (In Russian)